

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУ-
ДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

Психологический рисунок в романе В.С. Гроссмана
«Жизнь и судьба»

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 5 курса 521 группы
направления подготовки 42.03.02 – Журналистика
Института филологии и журналистики

Магомедовой Муминат Магомедалиевны

Научный руководитель

к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Е.Г. Трубецкова

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав. кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов, 2016

Творчество В.С. Гроссмана, находившееся под запретом несколько десятков лет, – пример заново открытой и переосмысленной литературы.

Творческая биография писателя охватывает период в 30 лет. За это время мировоззрение художника прошло колоссальную эволюцию. Он входит в литературу как писатель, искренне верующий в постулаты соцреализма, а уходит как автор, отвергнутый властью, во многом непонятый и нецененный читателями.

Диалогия Гроссмана «За правое дело» и «Жизнь и судьба» была главной работой Гроссмана. Каждая из этих частей прошла нелегкий, полный литературных интриг и цензурных ограничений путь, прежде чем обрела своего читателя. Причем выход «Жизни и судьбы» был возможен только за границей, а в Россию книгу попала лишь в 1988 г., спустя 20 лет после создания. Это повлекло за собой всплеск интереса критики к творчеству Гроссмана, а уже в начале 1990-х гг. к осмыслению литературного наследия писателя приступило литературоведение. Результатом этого стало множество исследований, посвященных разным аспектам творчества Гроссмана: темам войны и лагеря¹, «еврейского вопроса»², изучению философских идей писателя³. В

¹ Ланин, Б. А. Философские идеи Василия Гроссмана / Б. А. Ланин [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/acta/36/pp.25-38.pdf> (дата обращения: 10.05.2015). Загл. с экрана. Яз. Рус.; Оскоцкий, В., Кулиш, В. Эпос войны народной. Из диалога историка и критика / В. Оскоцкий, В. Кулиш // С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. С.342-367.; Ничипоров, И. Поэтика батальных картин в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» / И. Ничипоров [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : <http://archistratig.ru/biblioteka/151-poetika-batalnykh-kartin-v-romane-v-grossmana-zhizn-i-sudba> (дата обращения: 27.10.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

² Липовецкий, М. Единоборство / М. Липовецкий // С разных точек зрения : «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. С. 332.; Маркиш, Ш. Пример Василия Гроссмана / Ш. Маркиш // Гроссман, В. На еврейские темы : Избранное: В 2 т. Т. 2 / В. Гроссман. Иерусалим, 1985. С. 341-532.; он же Трагедия или триумф Василия Гроссмана, или Об универсальности рабства и свободы в XX веке / Ш. Маркиш // Иерусалимский журнал. 2004. № 18. [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : http://www.antho.net/jr/18/markish_grossman.html (дата обращения: 19.05.2016). Загл. с экрана. Яз. рус.

³ Ланин, Б. А. Идеи «открытого общества» в творчестве Василия Гроссмана / Б. А. Ланин. М.: Магистр, 1997. С. 21.; Ланин, Б. А. Философские идеи Василия Гроссмана / Б. А. Ланин [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/acta/36/pp.25-38.pdf> (дата обращения: 10.05.2015). Яз. рус.; Блюменкранц, М. А. Пути добра и перепутья свободы. Этико-философская антропология в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» / М. А. Блюменкранц // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 32-39.; Абдуллаева, С. Н. Время в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» /

1991 г. был издан сборник «Жизнь и судьба» с разных точек зрения⁴, который включал в себя все доступные и опубликованные на тот момент мемуарные свидетельства, документы из литературных архивов, проблемные статьи, критические отклики современников и исследователей.

На сегодняшний день диалогия Гроссмана широко проанализирована в различных аспектах. Тем не менее, остается немало неизученных пластов романа, требующих отдельного внимания. Одним из них является использование Гроссманом толстовского приема «диалектики души». Именно этот ракурс изучения диалогии Гроссмана определяет актуальность работы.

Целью исследования является анализ особенностей психологизма в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- проанализировать формы психологизма в романе;
- проследить эволюцию героев и изменение способов создания их характеров от первого ко второму тому диалогии Гроссмана;
- рассмотреть традиции и новаторство в психологическом рисунке романа «Жизнь и судьба», сопоставив его метод с толстовской «диалектикой души».

Цели и задачи исследования обусловили структуру работы. Она состоит из Введения, одной главы, разделенной на параграфы, Заключения и Списка использованных источников.

Во **Введении** содержится постановка темы исследования, дается реферативный обзор основных трудов наших предшественников, формулировка цели и задач работы.

Вопрос о продолжении / преломлении традиций русской литературы в романах Гроссман является одним из актуальных. Ряд критиков отмечает

С. Н. Абдуллаева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 5-12.; Клинг, Д. О. Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики / Д. О. Клинг. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. С. 212.

⁴С разных точек зрения : «Жизнь и судьба» В. Гроссмана : [сборник / сост. В. Д. Оскоцкий]. М. : Советский писатель, 1991. 397 с.

сходство с Чеховым⁵, Достоевским⁶, Солженицыным⁷, Пастернаком⁸. Но большинство исследователей рассматривают толстовские традиции в дилогии Гроссмана⁹. При этом некоторые исследователи считают неоспоримым продолжение Гроссманом традиций автора «Войны и мира».

Действительно, Гроссмановский подход к изображению военных событий, батальных эпизодов весьма близок к тому, что мы встречаем у Л.Н. Толстого. Однако очень важным для Гроссмана толстовским приемом является, на наш взгляд, изображение характеров героев не с помощью прямого названия их эмоций, а путем их раскрытия через мысли, поступки и не всегда заметные читателю внешние и бытовые детали.

В своем анализе мы опирались на работы А.П. Скафтымова «О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого» и «Идеи и формы в творчестве

⁵ Лакшин, В. Народ и люди / В. Лакшин. С. 118.; Лазарев, Л. Правда безусловная и честная / Л. Лазарев [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200600215> (дата обращения: 20.03.2016). Загл. с экрана. Яз. рус.; Липовецкий, М. Единоборство. С. 332.

⁶ Лакшин, В. Народ и люди. С. 98-111.

⁷ Герасимова, Л. Е. «Приемы эпопей»: А. Солженицын и В. Гроссман / Л. Е. Герасимова // Герасимова Л. Е. Этюды о Солженицыне / Л. Е. Герасимова. Саратов : Новый ветер, 2007. С. 50-71.

⁸ Колобаева, Л. Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: Художественные открытия и традиции / Л. Колобаева // Вестник МГУ. Серия филологии. 1990. № 1. С. 9.

⁹ Липкин, С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана / С. Липкин // Липкин, С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана ; Берзер, А. Прощание / С. Липкин, А. Берзер. М. : Книга, 1990. 269 с.; Колобаева, Л. Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» : Художественные открытия и традиции / Л. Колобаева // Вестник МГУ. Серия филологии. 1990. № 1. С. 3-9.; Лакшин, В. Народ и люди / В. Лакшин // С разных точек зрения : «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. С. 112-126.; Фрадкина, С. Я. Толстовские традиции в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» / С. Я. Фрадкина // Проблемы типологии русской литературы XX века : сб. ст. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1991. С. 119-137.; Прохорова, Т. Г. Жанровое своеобразие романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (к вопросу о толстовской традиции) / Т. Г. Прохорова // Слово и мысль Льва Толстого. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1993. С. 22-29.; Штедтке, К. Жизнь и судьба. Напоминание о романе Василия Гроссмана, посвященном XX столетию / К. Штедтке [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/k139.html> (дата обращения: 13.02.2016). Загл. с экрана. Яз.рус.; Войнович, В. А. Антисоветский Советский Союз / В. А. Войнович. М.: Материк, 2002. 416с.; Сарнов, Б. М. «Война и мир» двадцатого века /Б. М. Сарнов //Лехаим. 2007. № 1. С. 177.; Герасимова, Л. Е. «Приемы эпопей»: А. Солженицын и В. Гроссман / Л. Е. Герасимова // Герасимова Л. Е. Этюды о Солженицыне / Л. Е. Герасимова. Саратов : Новый ветер, 2007. С. 50-71.; Ерёменко, А. М. Философия события в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» / А. М. Ерёменко // Человек. 2014. № 1. С. 108-120.

Толстого», Л. Выготского «Психология искусства» и А.Б. Есина «Психологизм русской классической литературы».

Несмотря на то, что практически все, пишущие о романе Гроссмана, так или иначе затрагивали вопрос о способах создания характеров героев, специального исследования, посвященного анализу психологического рисунка в романе, проведено не было. Это обуславливает **актуальность** нашей работы.

Глава 1. «Диалектика души» в романе В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Первая глава нашего исследования и составляющие ее параграфы посвящены обзору и анализу схожих приемов и принципов Гроссмана и Толстого, с помощью которых создается психологизм произведения, на примере не скольких героев.

В параграфе 1.1. «Люди как реки»: традиции толстовского психологизма в романе В. Гроссмана мы предпринимаем попытку описать, каковы особенности раскрытия внутреннего мира своих персонажей у Толстого и Гроссмана. Толстой, как правило, подмечает в них переживания и чувства, проявляющиеся в той или иной момент времени под воздействием определенных обстоятельств. Ключевое понятие, которым можно обозначить это свойство человека, – понятие «текучести», определение которому Толстой дал, характеризуя Нехлюдова в романе «Воскресение»: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою»¹⁰.

В прозе Гроссмана диалектика души проявляется в противоречивых поступках, присущих одному и тому же персонажу, что можно видеть на примере Гетманова, Новикова, Штрума. Через эти поступки выражается толстовская формула «Все хороши и все дурны».

¹⁰ Толстой, Л. Н. Собр. соч. В 12 т. Т. 10 / Л. Н. Толстой. М.: Правда, 1987. С. 93.

Параграф 1.2. Женские образы в романе включает в себя два подраздела.

Подраздел 1.2.1. «Какой могучий инстинкт живет в душе женщины»: тайна материнской души представляет собой анализ образов матерей, которые силой своей самозабвенной любви противостоят внешним бедам и катастрофам. Гроссман подчеркивает особое положение материнства и иной, очищенный от фальши и злобы, поднятый на высокую ступень нравственности, взгляд на мир и на войну, на соратников и врагов. Мать у Гроссмана – это судья человеческих поступков, весы, на которых измеряется мера прощения и наказания. Эти персонажи стоят вне рассуждений о политике, это особый гроссмановский критерий нравственности, соответствующий авторскому идеалу – любви и всепрощению.

Анализ произведен на примере Людмилы Штрум и Софьи Левинтон.

В подразделе 1.2.2. «Вихрь любви»: Евгения Шапошникова на примере героини рассматривается категория образов жен и возлюбленных. Через образ Шапошниковой Гроссман доносит до читателя свою постоянную мысль: человек в любой ситуации обладает выбором. Однако самым принципиальным этот выбор становится в экстремальных условиях. Находясь в пограничной ситуации, человек делает выбор либо в пользу подчинения несвободе, либо в пользу свободы, выражающейся в бунте. Этот бунт внешне бессмыслен, однако является нравственным императивом свободного человека. В этом смысле он сопоставим с «дурьей добротой» Иконникова. Женя Шапошникова, отказавшаяся от благополучной жизни с Новиковым и вернувшаяся к Крымову, когда его репрессировали, добровольно принявшая статус жены политзаключенного, руководствовалась именно «дурьей добротой». Гроссман оценивает ее поступок с позиций двух героев романа: Штрума и Людмилы Николаевны. Штрум, одобряя выбор Жени, произносит горячую речь о человеке советской системы, который не смел сделать выбор в пользу свободы и совести: «Женя, милая... вы поступили по совести. Поверьте, это лучшее, что дано человеку» (II, 672). В свободе выбора собственных поступ-

ков Штрум видит счастье. Однако его жена видит в поступке сестры глупость и пророчит ей горе: «Витя, перестань ты проповедовать, как Будда, и сбивать дуру с толку, – сказала Людмила Николаевна. – ... Губить себя, мучить хорошего человека, а какая от этого польза Крымову? Не верю я, что у нее может быть счастье, когда его выпустят...» (II, 672). Женя выбирает «дурью доброту»: отказавшись от личного счастья, она обретает свободу.

Параграф 1.3. «Сыны» и «пасынки времени» представляет собой обзор особой категории «квашни» гроссмановского мира. Постоянное бурление, кипение этого «котла» выбрасывает на поверхность и отправляет на дно то одних, то других. «Квашня» – и есть то самое, что существует в человеке, делая его то злым, то добрым, то скупым, то щедрым, заставляя совершать героические и подлые поступки. Эта «квашня» определяет состояние человека, его место в тот или иной момент времени, его поведение в конкретных обстоятельствах. Гроссман не пытается это оспорить, осудить, пристыдить – это естественный ход жизни, тайна души каждого человека, которую автор понимает и принимает.

Параграф состоит из двух подразделов. В **подразделе 1.3.1. Драма ученого: Виктор Штрум** анализируется трагедия героя, в середине жизни осознавшего свою национальную принадлежность, а вместе с ней – обособленность, а также высокая степень автобиографичности. Писатель-публицист Юрий Окунев отмечает, что действительно, и гибель матери от рук нацистов, и сложные отношения с женой, и выкручивание рук при подписании бесчестного письма, и последовавшие за подписанием мучительные угрызения совести – все это было в биографии самого Гроссмана¹¹.

Штрум – один из самых противоречивых персонажей, сочетающий в себе совершенно разные, порой противоположные черты характера, ставший выразителем толстовского «люди как реки».

11 Окунев, Ю. Гений, удушенный в подворотне / Ю. Окунев [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=218> (дата обращения: 13.12.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

Большинство grossмановских персонажей представляет собой тип человека, идущего против системы. Причем, это не всегда осознается с самого начала, и порой носит пассивный характер.

Помимо Штрума, таким персонажем является и Николай Крымов, анализ которого рассматривается в подразделе 1.3.2. «Победа вопреки всему»: **Николай Крымов**. Изображая переживания своих героев, Гроссман снимает оболочку за оболочкой, счищая внешнее, наносное, все, что кажется ему неискренним, ненатуральным. Герои обнажены и беззащитны. Автор выдергивает их из общего потока жизни, в котором они принадлежат кому угодно – власти, закону, государству, но не себе. Наедине с собой, со своими грехами и преступлениями, перед лицом строгих судей – тюремных надзирателей, палачей, собственной совести - человек вынужден заглянуть внутрь себя и признать: «Виновен!» Сила, пробуждающаяся при этом, совершенно особая, с ней не столкнуться в бою, ее не испытать, обладая правом распоряжаться чужой жизнью. Это сила нравственного чувства, чистоты, это ощущение опоры, существующей только в душе, не извне. Таинство, происходящее в момент, когда герой заглядывает в себя и обнаруживает то, о чем не знал или не хотел знать, – интимно. В момент исповеди автор – не демиург, он устраняется, позволяя персонажу выйти на сцену своей жизни, самому каяться и судить себя.

Результат разный: прощает своего мужа Людмила Штрум, найдя себе утешение в том, чтобы стать ему опорой в переломный момент; получает право второго рождения Софья Левинтон, испытав чудо материнской любви; бросает свое «королевство» Женя Шапошникова, повинувшись зову сердца; свет любви и прощения придает сил Николаю Крымову на пороге отчаяния; казнит сам себя Виктор Штрум, очищаясь и перерождаясь одновременно, в решающую минуту обращаясь к матери как к неиссякаемому источнику силы.

Заключение. В этой части выпускной квалификационной работы обобщены выводы нашего исследования. Раскрывая внутренний мир своих

героев, Гроссман избегает простых категорий: «страх», «любовь», «радость», «гнев», в его писательской палитре больше, чем два цвета – черный и белый, а потому персонажи далеко не всегда делятся на хороших и плохих. Рисунок Гроссмана рельефен и шероховат: героев характеризует многогранность, двойственность, непредсказуемость. Давление обстоятельств заставляет каждого персонажа вести себя по-разному в разный момент времени. Причем особое значение имеют критические обстоятельства – цель автора довести героев до такой точки невозврата, когда невозможен другой исход, кроме как выдать то основное, естественное, искреннее, что осело на дно души под многочисленными, приобретенными в течение жизни слоями.

Гроссман фиксирует особенности характера своих героев при разных внешних и внутренних факторах: мы видим персонажей дома и на работе, в одиночестве и в кругу семьи, видим их «сынами» и «пасынками» времени. Эта сложность психологического состава каждого героя уравнивается Гроссманом с тем, что мы привыкли считать незначительным и ничтожным – с бытом. Гроссман не просто уделяет ему первостепенное значение, быт выступает «проявителем» души, катализатором чувств и эмоций.

Портретная обрисовка героев у Гроссмана также имеет свои особенности. Портрет у Гроссмана не статичен, он различается в зависимости от места и времени действия, некоторые черты проявляются лишь в ситуации данного момента. Поэтому внешняя характеристика персонажа чаще всего имеет свойство мгновенности, сиюминутности, а в качестве черт преобладают жесты, взгляды, изгибы – язык тела, лишенный фальши.

Резюмируя, стоит отметить, что, несмотря на очевидную связь с толстовской традицией, умение Гроссмана раскрывать многогранность души персонажа является самостоятельным независимым итогом долгих лет творческих наблюдений и осмысления действительности. У Толстого отсутствует постоянное напряжение в окружающей среде, неразрешимый конфликт, влияющий на героев. У Гроссмана же он очевиден – это конфликт личности и государства, гнет тоталитарной системы, определяющий мысли и поступки

персонажей. Гроссмановским героям сложнее: им, для обнаружения в себе истины, требуется не просто сбросить с себя многочисленные оболочки, но и преодолеть самую главную – идеологическую, уйти из потока жизни в пустоту. Более того, роман Гроссмана обладает уникальной актуальностью, способностью осмысляться по-разному в разные исторические эпохи. Материал, который лег в основу создания романа, не только оказывал сопротивление канонам соцреализма, но и расширял этические и эстетические нормы русской классики, так как духовный опыт человека XX века, прошедшего через множество преобразований и потрясений, значительно отличался от духовного опыта человека XIX столетия.